

2. НОВЫЙ ГОДЪ У ОСЕТИНЪ ВЛАДИКАВКАЗСКАГО ОКРУГА (*).

(Изъ газеты Кавказъ)

Праздникъ новаго года извѣстенъ у Осетинъ подъ именемъ *Ногъ Бонъ*, что въ переводѣ слово въ слово значитъ новый день. Задолго до него уже начинаются у нихъ приготовленія къ празднику. Хозяйка каждаго дома, оставивъ всѣ обыкновенныя свои занятія, съ семействомъ гонить *араку*—водку изъ проса или ячменя, приготовля-

(*) Нужнымъ считаю предувѣдомить читателей, что Осетины Владикавказскаго-Округа во многомъ отличаются отъ Осетинъ живущихъ въ Парскомъ и Джавскомъ ущельяхъ и около Малой-Лиахвы. Языкъ первыхъ плавче, мягче и чище; тогда какъ у послѣднихъ онъ неблагозвученъ, и почти каждое слово состоитъ у нихъ изъ буквъ шипящихъ и по большей части безгласныхъ. Кромѣ того, они отличаются между собою и въ обычаяхъ, нравахъ, повѣрьяхъ и проч. Владикавказскіе Осетины тоже подраздѣляются на *Оллагирцевъ* и *Дигорцевъ*: языкъ этихъ двухъ отдѣльныхъ племенъ также разнообразенъ.

еть *бузу* (*), варить пиво (**) и, что особенно замѣчательно, печеть изъ пшеничной муки фигуры на подобіе барана, коровы, лошади, курицы и тому подобныхъ животныхъ и птицъ и для прикрасы въ тѣсто втыкаетъ по нѣскольку зеренъ фасоли и кукурузы: эти фигуры называются *Басила* — *Василій*. Замѣчу мимоходомъ, что этотъ случай можетъ служить яснѣйшимъ доказательствомъ, что Осетія нѣкогда исповѣдывала христіанство, нынѣ же Осетины держатся магометанской религіи, секты *Сунни*. Историки и преданія относятъ время просвѣщенія Осетинъ вѣрою Христовою къ царствованію Тамары, Грузинской царицы; но не одинъ этотъ обычай подтверждаетъ ихъ свидѣтельство, а также и памятники древности: въ ущельяхъ Осетіи—Олагирскомъ и Дигорскомъ—понынѣ существуетъ безчисленное множество развалинъ церквей, отчасти уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія, и многіе обычаи, которые очевидно обличаютъ процвѣтавшее у нихъ христіанство. Самыя названія нѣкоторыхъ праздниковъ, имена святыхъ—чисто христіанскія. Но объ этихъ развалинахъ, обычаяхъ и праздникахъ, мы поговоримъ въ другой разъ.

(*) Общеупотребительный и повсемѣстный напитокъ Осетинъ; онъ дѣлается изъ дрождей и называется *брагою*.

(**) *Баганъ* добывается изъ растенія *хумаллахъ* (хмѣль) и варится въ мѣдныхъ котлахъ гигантской величины; каждый изъ этихъ котловъ можетъ въ себѣ вмѣщать слишкомъ 200 ведръ; они имѣются только у почетныхъ и зажиточныхъ людей. Форма котла подобна церковному куполу.

Между тѣмъ какъ хозяйки занимаются подобнымъ праздничнымъ приготовленіемъ, хозяева прекращаютъ домашнія работы и, храня глубочайшее молчаніе, принимаются за чистку винтовокъ и шашекъ—въ полномъ убѣжденіи, что если какая либо нечистота минувшаго года останется на ихъ оружіи, то оно уже не годится ни къ какому употребленію и съ нимъ нельзя отправиться на охоту безъ опасности жизни.

Наконецъ настаетъ канунъ новаго года и вдругъ начинается стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ заряженныхъ пулями, поднимается въ каждомъ аулѣ такая общая суматоха, такой крикъ и шумъ, что незнакомый съ причиной онаго, сочтетъ это за тревогу произведенную непріателемъ; вся ночь подъ новый годъ проходитъ въ подобной стрѣльбѣ безъ умолку. Обычай стрѣлять въ это время, существуетъ и у Грузинъ, но основанъ совсѣмъ на другомъ предразсудкѣ. Осетины стрѣляютъ вверхъ, въ воздухъ, прицѣливаясь въ луну, съ убѣжденіемъ, что въ эту ночь, разъ въ году, луна находится въ крайней опасности отъ какого то дракона (*арви калмъ*, небесный змѣй), угрожающаго ей совершенною гибелью. Сознывая бѣдствія, которыя могутъ постигнуть свѣтъ, если драконъ уничтожить луну, Осетины принимаются защищать ее общими силами и при каждомъ выстрѣлѣ мужчинъ, женщины и ребятишки восклицаютъ: *Табу, хуцау!* (Помилуй, избави Боже!)

Какъ ни очевидна такая нелѣпость, но Осетины твердо убѣждены, что луна ихъ помощью избавляется, драконъ раненъ, чуть не умерщвленъ, и хоть и не убитъ, но, все равно — въ эту ночь они отстояли луну отъ власти чудовища, а въ остальные въ году, драконъ не можетъ ратовать противъ царицы ночныхъ свѣтилъ.

Къ разсвѣту новаго года всѣ мальчишки и парни, собравшись въ одну толпу, вооружась палками и дубинами, надѣвъ свои рубища и лохмотья на изнанку — обходятъ аулъ, начиная съ перваго ряда улицъ, входятъ на дворъ каждаго дома и привѣтствуютъ хозяевъ слѣдующею пѣснью, исполненною такихъ благожеланій, какія у Осетинъ считаются за главнѣйшія и первѣйшія:

Хазаронта, хазаронта!
Во лакъ сагъ амора,
Во усь таринъ віара,
Во Басиль кухъ манъ фава!

вотъ буквальный переводъ ея: «Домашніе, домашніе! желаемъ, чтобъ хозяинъ вашъ убивалъ оленя; чтобы хозяйка рожала сына; рука вашего Василия, да будетъ нашею!» Въ послѣднемъ стихѣ намекается на фигуру изъ муки, называемую *Басила*, которую они просятъ; объ этой фигурѣ сказано выше—она составляетъ главную принадлежность праздника.

Въ этой пѣснѣ соединены почти всѣ желанія.

о исполненіи которыхъ Осетины постоянно молятъ Бога и почти ни о чемъ другомъ. Охоту они считаютъ за самое священное и молодеческое занятіе, въ которомъ главнымъ образомъ дѣйствуютъ счастье; тотъ кто проворенъ и удаченъ на охотѣ, почитается у нихъ самымъ счастливымъ и уважаемымъ человѣкомъ: убить оленя, по ихъ мнѣнію, удается только наперсникамъ и любимцамъ фортуны. Окажите Осетину какое угодно благодѣяніе, онъ, въ знакъ благодарности, непременно пожелаетъ вамъ, между прочимъ — *убить оленя—сагъ амаръ*, т. е. быть всегда счастливымъ на охотѣ и никогда не возвращаться съ поля съ пустыми руками.

Точно такъ, какъ у мужчинъ предметомъ желаній бываетъ отвага и расторопность на охотѣ, у женщинъ главную роль играетъ—*рожденіе сына*. Это основаніе ихъ надеждъ и радостей. Презрѣнна и несчастна та женщина, у которой нѣтъ, по крайней-мѣрѣ одного, сына между дочерьми, *Лап-пу динъ райгурадъ*—да родится тебѣ сынъ... привѣтствуютъ женщины при встрѣчѣ съ благородною и знаменитою особою, и вообще съ кѣмъ бы то ни было. Однажды я спросилъ: для чего они всегда, всѣмъ и каждому, желаютъ рожденія сына, а не дочери? Миѣ отвѣчали, что «женщина проклята Богомъ, и что она никакой пользы не приноситъ, какъ ни къ чему негодная. Мужчина, напротивъ, есть краса природы: онъ, сильное и

свободное существо, все можетъ произвести все приобрести, все сдѣлать».

И такъ, я сказалъ, что ребятацки привѣтствуютъ каждый домъ пѣснью, пропѣвъ ее нѣсколько разъ съ визгомъ и крикомъ они получаютъ отъ хозяевъ дома гостинцы—именно: нѣсколько фигуръ Басила, сыру, бутылку араки и т. п. Причемъ они приговариваютъ: «да исполнится надъ этимъ домомъ сердечное желаніе наше, да приведется оно въ дѣйствіе: милость Бога и милость *Пацаха* — Государя надъ вами.

Обойдя съ такимъ церемоніаломъ весь аулъ, довольно запасшись хлѣбомъ и аракою—выходятъ въ окрестность, внѣ аула, и тамъ расположившись на удобномъ мѣстѣ, начинаютъ пировать; тогда-то начинается у нихъ веселье и пиршество—пиршество въ особенности для желудка Осетинскаго! Новый годъ есть единственный день, въ который Осетинъ насыщается такъ, какъ душѣ угодно. Это потому, что Осетины вообще терпятъ крайнюю скудость въ хлѣбѣ. По ихъ мнѣнію, проклятая бѣдность тому виною, а мнѣ кажется, не одна бѣдность, но лѣнность ихъ къ земледѣлію и неохота къ трудамъ сопряженнымъ съ этимъ тяжкимъ промысломъ въ мѣстахъ гористыхъ.

Наѣвшись съ изумительною жадностью до сыта; напившись до пьяна, славильщики расходятся по домамъ, кто съ разбитымъ лицомъ, кто съ окровавленной головой и вывихнутою ногой, а иной

съ поврежденнымъ носомъ, съ опухлымъ глазомъ. Непремѣнно каждому достается въ слѣдствіе пьянства, особенно употребительнаго между этимъ народомъ, дикимъ и мстительнымъ. Начиная весельемъ, оканчиваютъ плачемъ.